

УДК 902 (470.1+570.1) "653"

А.М. Мурыгин

МИГРАЦИИ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Рассматриваются вопросы взаимодействия групп населения на северо-востоке Европы в I тыс. н. э. Сделан вывод, что в это время основной формой взаимодействия коллективов на европейском северо-востоке являлись разнонаправленные миграции. Между окружающим миром и населением Вычегодского и Печорского бассейна контакты осуществлялись преимущественно путем односторонней культурной трансмиссии из камского и нижнеобского культурных ареалов.

Ключевые слова: северо-восток Европы; раннее Средневековье; взаимодействие; миграции.

В археологии раннего Средневековья дискуссионной остается проблема происхождения и этнокультурной принадлежности носителей археологических культур таежной полосы северо-востока европейской части России (Г.М. Буров, В.И. Каневец, К.С. Королев, А.М. Мурыгин, Э.А. Савельева, Н.Н. Чеснокова) [1, 2 и др.]. С одной стороны, отстаивается первенство эволюционного пути развития местных элементов культуры, с другой – аргументируется преобладание в местных культурах инородных компонентов, привнесенных путем миграций. Однако обе гипотезы не отрицают значительную роль в формировании и развитии вычегодско-печорских коллективов раннего Средневековья межрегиональных (культурно, этнически или территориально чуждых компонентов) связей, с одной стороны, преемственных отношений субстрата и суперстрата – с другой.

Установлено, что на рубеже раннего железного века – Средневековья сложение новых культурных типов на пространстве европейского северо-востока проходило при взаимодействии местных и пришлых групп. Под термином «взаимодействие» понимается особый вид непосредственных отношений и связей, складывающихся, по меньшей мере, между двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений [3, 4]. Для бассейна Вычегды наиболее археологически выявленным для сер. I тыс. н.э. (V–VI вв.) оказалось южное направление связей населения края. Здесь появляются могильники под насыпями и поселения с гребенчатой, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой – памятники *шойнатыйского культурного типа* [2]. Сформировавшись в восточной части бассейна Вычегды в результате смешения в основном местных позднегляденовских и привнесенных извне харинских (прикамских) этнокультурных традиций, они именно в таком двухкомпо-

нентном виде впоследствии распространяются в таежное Припечорье.

Для населения таежной полосы Припечорья заметно проявляются северно-тундровый и восточно-нижнеобский векторы этнокультурных связей. В отличие от бассейна Вычегды, где гляденовские коллективы (джуджидьягская культура) существуют до V в., на Печоре гляденовские традиции практически полностью были трансформированы к III или IV в. [5]. Показателем изменений, произошедших на северо-восточной окраине гляденовской культурной общности, явилось сложение при участии одной из культур этой общности – пиджской, *бичевницкого культурного типа* с каннелированной глиняной посудой. В его материалах фиксируется продолжение общих для европейского северо-востока тенденций сближения с Западной Сибирью. Раннебичевницкие группы проникают в бассейн р. Вычегда, Большеземельскую тундру и Северное Прикамье, достигая устья р. Чусовая (свыше 400 км южнее верхний р. Вычегда) [6]. К этому же времени, вероятно, можно отнести их распространение в восточное Приуралье – на р. Северная Сосьва (городище Няксимволь) и по долине р. Обь почти до ее устья (городище Усть-Полуй) [7. Рис. 11. Табл. 21, 31–34].

Появление субарктических групп населения к югу от Полярного круга увязывается с ухудшением климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов (Л.Н. Андреичева, Н.Я. Кац, В.А. Климанов, М.И. Нейштадт, Л.Д. Никифорова, Н.А. Хотинский, А.В. Шнитников и др.) [2. С. 170, 171]. На европейском северо-востоке происходит сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении и расширение тундровой зоны; граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной [8. С. 160]. Такое кардинальное изменение среды обитания является серьезной побудительной причиной для оттока части населения из Заполярья (или, возможно, проникших туда че-

рез полярный трансуральский коридор миграций – хребет Пай-Хой и Прикарская низменность – зауральских групп) в более благоприятные для проживания южные районы Печорской низменности. Принципиальным для понимания особенностей взаимодействия на этом этапе является то, что постепенное просачивание в гляденовский ареал Припечорья (возможно, и в Привычегодье) групп инородного населения происходило в течение длительного времени (начиная, вероятно, с последней четв. I тыс. до н.э.) и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Гляденовская керамика с каннелюрами на европейском северо-востоке появляется уже в конце III–II вв. до н.э. [5. С. 379], что опосредованно указывает на вероятное начало этого затяжного по времени процесса. Не исключено, что на сложение раннебичевницкого керамического комплекса оказали влияние контакты с теми же северными группами западносибирского прасамодийского населения [9. С. 129], которые приняли участие в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской). В то время, когда вычегодское позднегляденовское население испытывало существенные изменения в культуре из-за вхождения в его состав харинских групп, родственные коллективы пиджской археологической культуры таежного Припечорья начали контактировать с носителями кулайской культуры Зауралья [5. С. 382].

К началу втор. пол. I тыс. н. э. в регионе сложились новые археологические образования. Между Тиманом и Уралом продолжается развитие культуры типа Бичевник, ареал которой сократился до районов таежного Припечорья. К западу от Тимана на основе шойнатыйских формируются памятники *ванвиздинского типа*.

Основной территорией обитания ванвиздинского населения была средняя, в меньшей степени, верхняя и нижняя Вычегда. Отсюда они распространились в бассейн средней и верхней Мезени [10]. Взаимодействие с нижеобским и/или родственным ему печорским населением (восточное направление этнокультурных связей) наложило свой отпечаток появлением на типичной ямочно-гребенчато-шнуровой ванвиздинской глиняной посуде узоров из различных фигурных штампов, мотива свисающих фестонов, отступающей техники орнаментации и утолщения края сосудов [11. С. 209–211. Рис. 1, 8].

Не менее существенными для ванвиздинского населения являлись этнокультурные связи с коллективами Верхнего Прикамья. Через территорию ломоватовской культуры на среднюю Вычегду

шло поступление вещей, относящихся к импорту из областей сасанидского Ирана и античного мира. Такие изделия найдены в поздней (бескурганной) группе погребений Веслянского I могильника, датируемых VII – началом VIII в. [12]. В это же время на вычегодских и мезенских памятниках появляется керамика ломоватовско-ванвиздинского облика с многошнуровой орнаментацией тохтинского типа [13. С. 19 – схема].

Прослежен и обратный процесс. В VII–VIII вв. н. э. начинается движение вычегодского населения в Прикамье, а миграции небольших групп ванвиздинцев в верхнее Прикамье продолжают вплоть до конца ломоватовской культуры [14. С. 70; 15. С. 288]. Материалы раннего культурного слоя (VIII–IX вв.) Подгорбуновского городища на р. Юга также отнесены к памятникам, близким поздневанвиздинским [16. С. 73]. Ванвиздинские материалы, датированные VIII в., зафиксированы в нижнем средневековом горизонте поселения Крыловское, в районе слияния рек Сухоны и Юга [17. С. 124–126]. Намечается тенденция к расселению или переселению ванвиздинских групп на земли, лежащие южнее и юго-западнее от бассейна Вычегды. В последней четв. I тыс. н.э. они стали фактором постоянного или периодического присутствия не только на севере Прикамья, где начинают контактировать с продвигающимися сюда же позднеломоватовскими коллективами, но и в междуречье нижней Вычегды, Малой Северной Двины и Юга [10].

В то же время на территории Припечорья длительное взаимодействие различных по происхождению групп (начиная с эпохи энеолита и далее постоянно на протяжении последующих тысячелетий) привело к тому, что здесь на керамике местного населения середина – вторая половина I тыс. н.э. намного более явно, чем в вычегодско-мезенском регионе, наблюдается смешение признаков, имеющих различный генезис [11. С. 207–209]. По всей области расселения приуральских племен – между Уральскими горами, хребтом Пай-Хой и Тиманским кряжем на местной средневековой керамике (*бичевницкой* в тайге и *субарктической* в тундре) выявлены элементы, выступающие в чистом виде или получившие преимущественное развитие в западносибирских культурах с гребенчато-фигурно-штамповой посудой [2; 11. Рис. 1/ 2–7], а в таежной полосе бассейна Печоры – также и в территориально близких приуральских и зауральских культурах с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики. Одновременно из числа поселений и жертвенных мест Печорского Приуралья выделяются памятники с бес-

спорно нижнеобской керамикой, что является фактом непосредственного проникновения обско-зауральских групп населения в южную часть бассейна Печоры (от верховий до устья рек Подчерема, Щугора и Сопляса) [11. С. 208]. Свидетельством связей Припечорья и зауральского культурного круга является инвентарь печорских «кладов», часть из которых относится к зауральскому кругу памятников (Усть-Сопляский) или, по крайней мере, заметно отличается от классических образцов «пермского» звериного стиля, они неоднородны и несут зауральские черты (К.И. Корепанов, В.А. Оборин, В.Н. Чернецов, А.В. Шмидт и др.). По всей территории Печорского Приуралья известны изделия зауральского облика («трехрогие» личины из д. Хабариха и с р. Сандибей-ю, поясные пряжки и культовые ложки со звериными головами в жертвенной позе; гравированные на серебряной бляхе изображения фигурок в трехночных головных уборах с саблями в руках и др.).

Учитывая археологические источники предшествующих эпох [1], есть все основания ставить вопрос о том, что «культурное пространство» Печорского Приуралья с глубокой древности было неоднородным. В Припечорье обитало население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей. Постоянно подпитываемый в основном зауральскими инфильтрациями местный (угорский или самодийский) этнокультурный компонент являлся составной и неотъемлемой принадлежностью этого региона европейского северо-востока с эпохи раннего металла. Формирование археологических культур таежной полосы Припечорья проходило на фоне многовековой трансформации этнокультурных традиций финно-пермского компонента печорского ананьинско-гляденовского и более древнего населения, дальнейшего развития близкородственного нижнеобскому местного (бичевницкого) культурного комплекса, при одновременном прямом проникновении коллективов из западно-сибирского ареала обитания.

Меньше данных о контактах позднебичевнических групп Ижмо-Печорского бассейна с заполярным населением. Пока известно не менее пяти поселений (Зыбун-нюр III, Усть-Айюва I, Брысвинское, Кыско, Ружникова) [2], небольшая доля керамики которых свидетельствует о проникновении коллективов субарктического региона северо-востока Европы в таежную зону Припечорья вплоть до 63° с.ш.

Взаимодействие раннесредневекового населения таежного Припечорья с финно-пермскими

коллективами Прикамья было менее интенсивным и имело иной характер – было ограничено отношениями, не затрагивающими основы культуры. Показательным примером непосредственных контактов печорского населения с прикамским являются находки позднебичевнической керамики в районе Чусовского озера [18. Рис. 1, 18; 19, 2, 1–3] и на святилище у Белоусовского камня на р. Вишера в Северном Прикамье, где она датирована VI–VIII вв. и [19. С. 47–50]. На печорских памятниках представлены некоторые другие категории находок, прототипы которым в любом случае были выработаны вне ареала обитания населения печорской тайги и попадали на север, видимо, путем торгово-обменных операций. К ним относится часть инвентаря жертвенных мест и кладов, находки на поселениях, аналогии которым уходят в прикамский регион Приуралья. Кроме этого, как считал В.И. Канивец, через болгарских посредников по Камско-Волжскому торговому пути в Припечорье попадали серебряные сасанидские монеты и брактеаты с оттисками дирхемов саманидской чеканки (Канинская, Уньинская пещеры), которые использовались североуральским населением в качестве украшений или культовых предметов [20. С. 151–153].

Таким образом, серьезное влияние на особенности становления и развития локальных культур раннесредневекового населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры оказали взаимодействия и связи коллективов, протекавшие в форме перманентно происходящих разнотипных миграций. Их можно рассматривать в качестве *постоянной величины*, действующей в территориальных рамках европейского северо-востока на протяжении длительного времени и даже отнести к одному из стержневых элементов системы жизнеобеспечения коллективов в районах северной, крайне северной тайги и тундровой зоны. Этнокультурные связи в эпоху раннего Средневековья между окружающим (по отношению к территории крайнего северо-востока Европы) миром и населением Вычегдского и Печорского бассейна имели преимущественно односторонний характер и осуществлялись путем *односторонней культурной трансмиссии*. Для местного населения они носили больше характер заимствования и проявлялись в виде распространения объектов материальной культуры из районов с производящей экономикой (торговля, обмен и т.п.), либо как культурные новации в области хозяйства, технологий и т. д., или были определены освоением новых территорий пришлым (родственным или неродственным) населением и их смешением с местными коллективами.

Постоянные миграционные подвижки привели в I тыс. н.э. к радикальным изменениям в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы. Одним из результатов глубоких перемен явилось выраженное своеобразие раннесредневековых этнокультурных образований, которые можно определять как *синкретические*, т.е. представлявшие собой единство неоднородных компонентов. Это было связано не только и не столько с исторически обусловленными событиями «гуннского» периода эпохи Великого переселения народов. Ситуация объективно была определена самим положением территории, которая оказалась зоной постоянных и длительных контактов групп угорского, самодийского и пермского населения. В числе предпосылок невысокого уровня культурной дифференциации социальных групп следует рассматривать и миграционную подвижность различного вида, а для печорского населения еще и дисперсный тип расселения и длительные сезонные широтные и меридиональные перекочевки. Подобные перемещения, связанные со сменностью географических поясов, находят аналогии в «челночном» типе миграций, реконструируемых для охотников на дикого северного оленя Северной Евразии [21. С. 285]. Этому способствовали также специфика географического положения территории обитания, особенности ее естественно-географической среды – выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной – тундра–тайга и долготной – Европа–Сибирь, значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий, сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом. Возможно, следует отказаться от традиционно прямого отождествления культур региона с конкретными этносами. Известно, что элементы материальной культуры в той или иной степени обусловлены главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды, а также особенностями исторического развития и прочно не привязаны к этносу [22. С. 79]. Поэтому более плодотворно рассматривать их с точки зрения хозяйственно-культурных образований с эклектичным набором культуроопределяющих признаков.

Вторую четверть и сер. I тыс. н.э. для древнего населения Печорской и Вычегодской тайги можно считать переломным и особым этапом их истории. В формировании культурных особенностей подвижного охотничье-рыболовческого населения бассейна Вычегды, наряду с *внешними инфильтрациями* из западносибирского культурного ареала

и бассейна р. Печора, существенную роль сыграла исторически обусловленная прямая *инвазия* инородных коллективов из Прикамья. В это же время для населения Печорского Приуралья, также с доминированием присваивающих форм деятельности, этнокультурные связи были обусловлены больше длительными *внешними инфильтрационными процессами* и *внутрирегиональной культурной диффузией*. Они были определены двумя основными факторами, *непосредственным* – негативными изменениями естественно-географической среды (северный инфильтрат, этнически и культурно неясный, но определенно связанный с областями, лежащими восточнее Уральского хребта) и *опосредованным* – далекими отголосками кризисных для многих народов событий эпохи Великого переселения народов (восточный инфильтрат). При непосредственном взаимодействии местных и пришлых групп к середине I тыс. н.э. на европейском северо-востоке произошло сложение новых культурных типов – на Вычегде появляются памятники шойнатыйского типа, в таежной зоне бассейна Печоры – бичевницкого. Оба культурных типа явились продуктом межэтнического синтеза и последующей интеграции. Они образовались в результате процессов взаимовлияния и взаимопроникновения, происходивших на фоне *трансформации* подстилающих культурных традиций. До VI в. их носители сосуществовали и осуществляли тесные связи между собой в пределах почти одной и той же территории, за исключением тундровой окраины раннебичевницкого ареала.

На этапе относительной стабилизации (после VI в.) этнокультурной обстановки в таежной полосе европейского северо-востока основное направление этнокультурных связей вычегодско-печорского населения продолжает оставаться прежним – южное и восточное. Слабее проявляют себя контакты с коллективами заполярных областей. Этнокультурные связи местных коллективов в большей степени сводились, видимо, к *сосуществованию* и тем или иным формам *контактов* между собой и соседствующими культурами. Судя по документирующим этот период археологическим источникам, вплоть до конца I тыс. н.э. эти контакты не оказывали существенного влияния на сложившийся этнокультурный облик и хозяйственную специфику местных коллективов, а перемещения в границах освоенных территорий соответствовали *внутриэтническому* типу миграций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Археология* Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.

2. *Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
3. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.
4. *Аванесова Г.А.* Взаимодействие культур // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 70–71.
5. *Васкул И.О.* Памятники гляденской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.
6. *Мельничук А.Ф.* Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего средневековья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья (к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции). Ижевск, 2002. С. 101–109.
7. *Мошинская В.И.* Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. Вып. ДЗ-8. М.: Наука, 1965. 87 с.
8. *Никифорова Л.Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1982. С. 154–162.
9. *Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
10. *Мурыгин А.М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 218 с.
11. *Мурыгин А.М.* Западносибирский компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // IV Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 207–224.
12. *Савельева Э.А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. М.: Наука, 1979. Вып. 158. С. 91–96.
13. *Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005. 56 с. (Науч. докл. / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 476).
14. *Оборин В.А.* Миграции населения вымской культуры на Урал (XI–XV вв.) // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл. устинов, 1987. Т. II. С. 69–71.
15. *Оборин В.А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 255–298.
16. *Макаров Л.Д.* Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 66–88.
17. *Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н.* Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 121–127.
18. *Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху жезла // Древности Восточной Европы / МИА. № 169. М.: Наука, 1969. С. 156–167.
19. *Изосимов Д.А.* Керамические комплексы жертвенного места у камня Белоусовский (Бычок) как источник по изучению связей с населением Печоро-Вычегодского бассейна // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола, 2002. С. 47–50.
20. *Канивец В.И.* Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1962. Вып. 1. С. 145–154.
21. *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.
22. *Чистов К.В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3. С. 73–85.